

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV, Buenos Aires, 22 de octubre de 1983

Буэнос Айрес, суббота 22 октября 1983

N° 1735

МЫСЛИ ВСЛУХ

Народный строй является таковым не только потому, что в нем сам народ участвует в отборе управляющих и в известном утверждении важных политических решений, но и потому, что в нем вся политическая структура государства направлена на общее благо всего народа.

Аристотель в “Политике” отличает три правильных политических режима (монархия, аристократия и полиция) от трех извращенных режимов (тирания, олигархия и демократия) именно на основании того, что в первых трех вся власть направлена на общее благо, в то время как в остальных, власть направлена в сторону частной пользы одного, немногих или многих носителей власти, но не на пользу всех (1279 а).

Таким образом, и монархия, и аристократия, и полиция правильно образованные и правильно действующие, должны быть в том или ином смысле народными, хотя бы потому, что сама целенаправленность не только их действий, но и их существования, должна быть народной.

В то-же время, ни тирания, ни олигархия, ни демократия по самому своему определению не могут быть народными потому, что они целенаправлены на частную пользу одного, немногих или многих (даже большинства) носителей власти.

Народ же является интегрированной совокупностью всех. Исторически эта совокупность родилась как над-родовая и над-племенная интеграция, но по своему существу, эта интеграция должна быть полной, то есть должна быть и над-сословной, и над-классовой, и над-партийной и, вообще, над-групповой.

Если три правильных политических режима являются правильными главным образом потому, что они целенаправлены на общее благо всех, то и сама политика как таковая является правильной, а не извращенной народа, а не направлена на благо частных структур, то есть государства как такового и паразитарно от него питающихся частных групп (партий). Ортега и Гассет, развивая основную идею Аристотеля, так и определяет политику: как делание на благо народа, с платформы государства. Плохая политика, это делание на благо государства (и партий), с платформы государства, и за счет народа.

И. А.

Церковь и Государство

По православному мировоззрению, спасение человека — вечная блаженная жизнь с Богом — возможна через приобщение Господу Иисусу Христу и Его Богочеловеческой жизни, начатой Им в Самом Себе на земле.

Церковь, единство ангелов и людей с Богом, основана Господом Иисусом Христом и она есть спасительная жизнь. Господь Иисус Христос ее Глава и Основа (Камень во главе угла).

Государство есть явление земное. Государство есть общественная жизнь людей, управляемая властью. Государство есть плод сознательной и целеустремленной деятельности человека. Государство не есть некое самостоятельное явление, или бытие, от людей не зависимое. Нет его, как самостоятельного, ни от кого не зависимого явления. Оно есть плод человеческой деятельности, и можно сказать, что вот эта деятельность, сознательная и целеустремленная в определенных рамках, есть государство.

Это важно установить, чтобы понять, что и эта деятельность, и плод ее — собственно, государство — отнюдь не есть явление, оторванное от всей человеческой жизни и имеющее свои законы жизни. Нет, это та же человеческая жизнь и деятельность, но в определенной области и условиях, и, поэтому, она должна направляться теми же принципами, какие направляют или должны направлять, по православному сознанию, всю человеческую жизнь и, значит, деятельность.

Человек, в его земной жизни, с печатью греха — смертность, болезни, грешные стремления, страсти и т. д., — призван к обновлению нравственному в стремлении к Богу (“стучите... просите”), призван к спасению, к Богообщению воплощением Господа Иисуса Христа.

В Господе Иисусе Христе Божеское и человеческое начала соединились навсегда “неслиянно и нераздельно”.

Такое соединение, возможность его, определяет норму возможного и правильного, а потому должного, взаимоотношения Божеского и человеческого начал. Норму взаимоотношений Церкви и государства.

Они должны существовать также “неслиянно и нераздельно”. Церковь не должна сливаться с государством, никогда не брать на себя государственной деятельности, как и государство никогда не должно брать на себя дел и прав церковных.

Всякое отклонение от этого принципа есть всегда явление аномальное, ошибочное, временное, случайное, а при упорстве и длительно-

сти — уродливое. Такие отклонения в ту или иную сторону бывали в истории много раз, но православное сознание, или совесть, если иногда и извиняло их, всегда понимало их как явление аномальное. Сливаясь они не могут. Православное сознание говорит: “Святая Церковь”, но никогда не скажет “святое государство”. Выражение “Священная Римская Империя” есть термин слиянности; это мысль и выражение не православные, а католические. “Святая Русь” не есть Россия, как государство, а народно-национальная жизнь в духе Православия; религиозно настроенная общественная жизнь, но не государственная. Митрополит Антоний (Храповицкий) говорил, что только в редкие моменты, например, на коронации, когда Царь склоняется в земном поклоне перед Богом и Церковью, Россия сливается со Святой Русью, и тогда духовный восторг охватывает верующих.

Но не сливаясь, Церковь и государство не должны жить раздельно. Православное сознание такое раздельное существование понимает, как отклонение от нормы, от правды Божией.

“Вся предана Мне Отцем Моим”; вся жизнь должна подчиняться Божественному закону. Нет такой области жизни, в которой человек был бы по праву свободен от Бога и Его закона. Всегда, во всех областях жизни человек стоит перед Богом. Православное сознание с благоговением и духовным восторгом думает о воплощении Господнем, его полном соединении с человечеством. Грешный мир призван к приобщению к жизни Богочеловеческой, к преображению. Государство — деятельность грешного человека, плод его деятельности ума и воли, — через человека также призвано к облагораживанию, к участию в Богоугодном деле. Оно может служить нравственным ценностям. Государство может быть не только технической организацией для защиты жизни или удовлетворения жизненных материальных потребностей, но оно может иметь более высокие задачи, оно может создавать условия для развития жизни в том или ином направлении; оно может создать такую общественную жизнь, что в ней будут понятны и привычны нравственные понятия — правды, милости, честности, будет уверенность, что зло не будет торжествовать; оно может создать такие условия жизни, в которых не будет препятствий для человека идти путем спасения.

Поэтому, ни государство не должно жить отчужденно-раздельно от Церкви, по своим светским, лаическим законам, ни Церковь не должна отделяться от человеческой деятельности, от государства. Церковь не

может не только одобрять такую раздельную жизнь государства, но не может и мириться с таким отклонением государства от путей Божьих, от правды Божьей, такой отчужденностью от “единого на потребу”.

Мысль о раздельном существовании — мысль протестантская, подсказанная непониманием Боговоплощения, непониманием “неслиянности и нераздельности”, подсказанная неверным, неправославным пониманием Господа Иисуса Христа, Его Церкви и спасения.

Государство строится сознательно и целенаправленно. Сознание и воля государства представляет государственную власть.

Власть всегда руководствуется тем или иным пониманием цели своей деятельности, тем или иным пониманием добра и зла, той или иной философией. Если даже какая власть скажет, что она вообще не хочет руководствоваться никакой философией, то и такое заявление уже будет философией.

Православие хочет, чтобы государство признавало своей задачей защиту Церкви — защиту возможности существования в этом государстве нечистой Боговоплощения жизни, начатой Господом Иисусом Христом в Самом Себе и созданной Им ради этой спасительной жизни святой Церкви; чтобы государство стремилось создать условия, благоприятные для жизни Церкви, для жизни и спасения христианина. Православие хочет, чтобы государство установило, как сказано, справедливые и возможные отношения к Церкви, чтобы оно стремилось существовать с ним “неслиянно и нераздельно”.

Это правильное отношение исторически осуществлялось в так называемой “симфонии” — созвучии Церкви и государства; симфонии не только в мировоззрении, но и в нравственном сближении; не отвлеченные взгляды, но и жизнь, и деятельность, соответственной с ними — симфония требует сознания и воли. В государстве их выражает власть-симфония “Царства и священства”.

Историческая симфония началась со времени святого Константина Великого. Это ее фактическое начало, первые шаги, первое, еще не ясное, проявление сознания и воли к симфонии. Это было огромным человеческим достижением, новое в истории мира, и Церковь с радостью благословила это начало. В течении многих веков православная мысль развивала идею симфонии и никогда не отступала от этого принципа. В течение всей истории линия взаимоотношений православного государства постоянно изгибалась, теория и практика не совпадали; неустойчивые взаимоотно-

КИРПИЧИ ВАВИЛОНСКОГО СТОЛПОТВОРЕНИЯ

«Бомба»

И добродетель стать пороком может,
Когда ее неправильно приложат.

Вильям Шекспир

Каждый год 6-го августа человечество отмечает трагическую дату — дату сожжения города Хиросимы. Сухая статистика фиксирует: 78 тысяч убитых, 51 тысяча раненых, из которых если кто и выжил, то жизни не радовался.

Два очевидца атомного взрыва, японские художники Ири и Тосико Маруки оставили такое свидетельство о нем: "Ослепительная зеленоватая вспышка, взрыв, сознание подавлено, волна горячего ветра... и в следующий момент все вокруг загорается... Под облаками рухнувшего дома лежат оглушенные люди, в пламени гибнут женщины, гибнут в огненном кольце очнувшиеся и пытающиеся спастись люди... Миг — и с людей свалилась вспыхнувшая одежда, вздулись руки, лицо и грудь; лопаются багровые волдыри, и лохмотья кожи сползают на землю... Это привидения. С поднятыми руками они движутся толпой, оглашая воздух криками боли. На земле грудной ребенок, мать мертва. Но ни у кого нет сил придти на помощь, поднять. Оглушенные и обожженные люди, обезумев, сбились ревушей толпой и слепо тычутся, ища выхода... Ни с чем не сравнимая, трагическая картина: люди утратили последние при-

знаки человеческого разума..."

В марте 1954 года на коралловом острове Бикини американским военным командованием была экспериментально взорвана атомно-водородная бомба мощностью в 15 мегатонн тротила. 23 японских рыбака, находившихся в радиусе 130 км. от взрыва, были осыпаны радиоактивным пеплом, поразившим их кожу ожогами. Результаты эксперимента мрачно предвещали, что возможная атомная война превратит страны в кладбища и госпитали...

Появляется манифест призывающий все страны воздержаться от ядерной войны. Призыв был отредактирован английским антихристианским философом Бертраном Расселом и подписан рядом видных ученых, в том числе и Альбертом Эйнштейном. В 1939 году великий ученый Эйнштейн письмом к президенту Рузвельту рекомендовал создание атомного оружия. Теперь, видя разрушительные результаты его, он каялся в этом своем поступке.

Манифест Рассела-Эйнштейна, подобно мифическим коварным Сиренам, увещевал: "Наш мир наполнен конфликтами, но все они затенены титаническим противостоянием коммунизма и антикоммунизма. Каждый интересующийся политикой может излить свои чувства за одно или другое, но мы призываем вас, если

вы можете, встать вне этих чувств и рассматривать себя только как представителя рода людского, который имеет замечательную историю и исчезновения которого никто из нас не желает. Мы хотим попытаться не сказать ни одного слова, которое бы больше было направлено к одной группе, нежели к другой..."

Попытка не удавшаяся, ибо в ней создатели бесчеловечного ГУЛага приписаны к представителям рода людского, имеющего замечательную историю, — 60 миллионов человеческих жертв без применения атомного оружия.

Страх лишил здоровой логики ученых составивших манифест. Страх продиктовал им и эти строки: "Никто сейчас не сомневается в том, что современная водородная бомба способна разрушить любой большой город. Но это еще только часть бедствия, перед которым мы стоим. Если бы даже все жители Лондона, Нью Йорка и Москвы погибли, то все же пройдут столетия, и мир восстановится. Но теперь мы знаем, после взрыва в Бикини, что ядерная бомба распространяет гибель на значительно большие пространства, чем мы предполагали... При каждом взрыве смертельные радиоактивные частицы выбрасываются в верхние слои атмосферы, они обволакивают весь земной шар, они выпадают на поверхность Земли, угрожая существованию человечества..."

"Мы хотим научиться думать по-новому" — торжественно заявлял манифест. Однако это новое мышление мало чем отличалось от известного поведения страуса прячущего голову в песок при опасности...

Американский исследователь Ральф Лэпп подсчитал, что к 1970 г. арсеналы всего мира будут располагать 60 тысячами мегатонных бомб. А это равняется по мощности трем миллионам бомб подобных той, которая в 1945 г. взорвалась над Хиросимой. Логично, что к 1984 году эти чудовищные цифры значительно возросли. И может быть они то и испугали американского миллиардера Сайруса Итона. Он субсидировал первую встречу атомных ученых, на которой и советские и западные представители науки могли обсудить возможные последствия атомной войны. Она состоялась в Канаде в рыбацком поселке Пагуош и положила начало "Пагуошскому движению ученых борющихся за мир".

Советское правительство по заслугам оценило усилия Сайруса Итона, и наградило миллиардера... Ленинской премией "за укрепление мира между народами".

Жаль, разумеется, что опытный делец, владелец многих железных дорог США и человек глубоко образованный, не избежал судьбы загипнотизированного коммунистическим удавом кролика.

Вероятно, засоренность нашей атмосферы радиоактивными остатками, снижает умственную деятельность даже очень трезвых и практических людей... Иначе они бы поняли, что уничтожение атомной угрозы нависшей над миром можно достичь одним единственным способом — освобождением России от коммунизма и возрождением в ней православной — человеколюбивой и богобоязненной — Монархии.

АНАТОЛИЙ БОР

ношения, как и вся человеческая жизнь, отклонялись то в одну, то в другую сторону.

Но тем не менее магистраль исторического направления, главная мысль, его определяющая, философская и практическая директивы, в православном сознании была, есть и будет — "неслиянность и нераздельность" Божественного и человеческого, Церкви и государства в земной жизни.

Под влиянием неизменной православной философии строилась государственность и в православной Византии, и в православной России. В истории много примеров отклонений от указанной магистрали, много непонимания принципа и пути, много страстей и заблуждений и, тем не менее, снова допрошенное православное сознание, снова подтвердит верную магистраль и ее неизменность и скажет, что надо ее искать, а не отклоняться от нее.

Историческая симфония осуществлялась через царя: он выражал сознание и волю государственной власти, руководствуясь православным мировоззрением в своем отношении к Церкви и в своей деятельности.

На коронации царь приносил обет верности православной вере.

В ответ на это Церковь благославляла его и его власть.

Не Церковь давала ему власть: на коронацию он приходил уже царем, но Церковь благословляла его власть, его стремление к симфонии и совершала над ним таинство Миропомазания, давая ему этим благодатные силы на царское служение.

Почему именно монархическая власть более всех иных призвана осуществить симфонию?

Мы видели, что она требует "верую и исповедую" власти. Она призвана знать не только православное мировоззрение, но и ту внутреннюю жизнь людей, руководимую Церковью, которую она призвана охранять.

И не только охранять Церковь, в смысле предоставления ей права существования, но устанавливать условия жизни, среди которых она может существовать. Ощущать, что нужно для ее существования, ощущать какие обстоятельства и соблазны разрастаются, угнетают и искушают душу победностью своего безнаказанного бытия, торжествующего зла.

Отсюда становится ясно, что для осуществления симфонии отнюдь не достаточно ее теоретического и принципиального признания и декларации; нужно еще внутреннее ощущение и познание, нужно ощущение добра и зла, нужна и деятельность полезная и нужная для симфонии.

Но ощущение добра и зла, различение их, совершается совестью человека в глубине его внутренней жизни.

Для симфонии нужно, чтобы власть была у человека, а не у коллектива. У живого человека, у известной личности, а не у юридическо-го лица, у фикции, лишенной нравственного сознания, совести и ответственности.

Существенная черта монархизма — очеловечение власти. Ее осуществляет человек, а не аноним — коллектив, партия, парламент, у которых нет нравственной ответственности.

В православной монархии власть связывается глубоко с личностью человека, с его личной внутренней жизнью. На коронации государь всенародно исповедует свою веру, свое понимание смысла жизни, свою философию, какой он будет руководствоваться в своем царском служении. Приносит обет верности вере и Церкви.

Обет на всю жизнь. Такой обет может принести только тот, для кого содержание обета составляет неизменное верование на всю жизнь.

Обет можно принести только свободно и искренно. Иначе это об-

ман и кощунственная формальность. Обет верности вере нельзя принести на время, например, на время держания власти. Он имеет смысл, только когда выражает сущность данной личности, а не является временным обязательством юридического характера в гражданском обороте, где нет вопроса о нравственной ответственности, о внутреннем познании добра и зла.

Итак, обет связывается с нравственной ответственностью за исполнение его. Так вводится в самое существо власти православного царя и его деятельности то нравственное ограничение власти, о котором сказано выше.

Обет можно принести только свободно. Только свободная, нравственно ответственная личность может это сделать. Обета не может принести человек не свободный, зависимый в своей жизни и деятельности от иной силы.

Вот почему православное сознание хочет, чтобы симфонию осуществлял православный самодержавный царь.

Так глубоко, так кардинально ввести нравственное начало в самый источник власти, а не только в виде руководящей инструкции, так связать власть с самим бытием нравственной личности — ибо нарушение обета, бессовестность, убивает ее — так создать некий особый вид нравственно ограниченной власти, можно только в самодержавном православном царе.

Этого нельзя осуществить, когда власть несвободна, несамодержавна, а от чего-то зависит. Этого нельзя осуществить в демократии, где власть зависит от большинства. Здесь носитель власти не может принести обета верности Божественному закону, ибо не знает, чего пожелает от него завтра властвующий над ним аноним.

Обет, приносимый царем на всю

жизнь, выводит вопрос об отношении к Божественному закону из сферы благочестивых настроений царя. Даже если у него и его друзей это настроение утратится, то остается долг, суровый долг и присяга, которые нравственно держат людей.

Исповедание царем веры на коронации и его земной поклон Церкви, преклонение царской воли перед Богом и Его законом и в ответ на это поклон всех находящихся в храме царю, подчинившемуся Богу, вообще вся коронация, все, что на ней делается, есть выражение глубочайшего понимания власти, ее идеи, знания человека и глубочайшей мудрости.

Современное лаическое государство, не знающее покорности Божественному закону, именно поэтому враждебно относится к православной монархии. Странники лаического государства не понимают православных, желающих царя и царство. Им представляется, что они хотят царя, только чтобы ему подчиняться, и никогда не поймут, что царя призывают на великое служение симфонии и православные хотят служить ей вместе со своим царем.

Лаическое государство находит для себя соответствующую форму в демократии, которая принципиально не может не быть лаической, ибо не может подчиниться ничему, потому что, подчинившись и признав религиозное начало высшим авторитетом, оно должно отказаться от абсолютной власти большинства. Демократия есть всегда лаическое государство! И если исповедание демократических принципов иногда уживается и с монархией, то только с такой, где религиозное начало хотя и признается, но монарх лишен возможности действия по своему религиозному сознанию; где монарх "царствует, но не управляет".

"Православная Русь"
№ 15, 1983 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Норд. "Маршал М. Н. Тухачевский" (Париж, 1978).

Читая, только теперь, переизданную издательством "Лев" книгу, когда-то печатавшуюся в журнале "Возрождение", я живо вспоминаю замечательную женщину, ее написавшую. С нею, моею коллегой по сотрудничеству в "Нашей Стране" и "Возрождении", убежденною монархисткой и легитимисткой, жившей в Англии, я когда-то несколько лет переписывался, и мог оценить ее благожелательность, ум и блестящее остроумие; которое нахожу сейчас вновь на страницах ее сочинения. Родственница жены Тухачевского и жена его сослуживца по Красной Армии, она живо рассказывает тут о его карьере и гибели, и обо всей той, уже далеко отошедшей эпохе, когда он действовал. Всем, кого эти вопросы интересуют, чрезвычайно эту ее работу рекомендуем. Издана книга в хорошей форме; хотя подмечает, проглядывая ее, несколько забавных опечаток. Например, наркоман обороны, вместо нарком; и тиль-сырье, вместо утиль-сырье.

А. Кестлер. "Слепящая тьма" (Нью Йорк, 1978).

Другие воспоминания вызывает у меня роман кающегося коммуниста, один из первых и самых талантливых в числе произведений данной категории: о послевоенном Париже, где я, недавно попав туда из Германии, познакомился, у его фронтового товарища, корниловского полковника Левитова, с писателем Р. Гулем. Когда я начал у этого последнего бывать, он мне однажды одолжил небольшую книжку по французски под заглавием "Le zero et l'infini". Так я ее мысленно и называю, и по русски она для меня "Ноль и бесконечность". По английски прочесть ее не довелось, в русском же переводе вот только теперь. Все к той же она уводит страшной эпохе, но с другими героями: оппозиционные большевики типа Бухарина в советской тюрьме. Роман на меня произвел огромное впечатление; не раз потом я его и цитировал в печати. Сейчас, хотя он передан, в целом, и неплохо, действует, понятно, уже не так сильно... Осталась в памяти деталь из бесед тогда с Гулем о прочитанной благодаря его любезности книге. Ему представлялось анахронизмом, что сидящий в соседней камере с главным персонажем, видным коммунистом Рубашовым, явно еще совсем молодой по возрасту, оказывается монархистом, исповедывающим лозунг: "За веру, царя и отечество". — "Но ведь и у меня такие же взгляды!" невольно возразил я ему.

Дж. Орвелл. "1984" (Рим, без даты).

Хотя автор, кажется, формально и не был коммунистом, а книга написана в том же ключе, что и у Кестлера. Только с действием не в реальном, как у того, а в фантастическом мире, мире будущего. Будущее это, впрочем, уже почти пришло; а, слава Богу, в Англии еще не воцарился кошмарный англоц ("английский социализм"), и она еще не перешла с традиционного языка на новоречь. Однако, кто поручится за ближайшие годы? Зато орвелловские жуткие грезы во сколь многих странах уже почти буквально и осуществились: в восточной и центральной Европе, в Африке, в Китае и Индо-

китае, в Латинской Америке... Брр! Остановимся, и не станем продолжать ужасного списка (с каждым днем удлиняющегося...). Подавляющее большинство читателей нашей газеты, без сомнения, Орвелла, как и Кестлера, знают уже по подлиннику или по переводу на тот или другой европейский язык; теперешнее издание, по русски, адресовано, в первую очередь, новейшим. Впрочем, уже и по русски роман печатался некогда в "Гранях". Но если кто не читал, или хочет по русски перечитать, — пусть воспользуется случаем.

Л. Копелев. "О правде и терпимости" (Нью Йорк, 1982).

Как ложно люди о себе судят! Терпимость меньше всего свойственна Копелеву; а правда у него, это — его личная, индивидуальная правда; отнюдь же не общечеловеческая. Он кипит против антисемитизма (и, конечно, всякая огульная враждебность к каким-либо нации или народу несправедлива). Но, как он сам констатирует, по языку и образованию он — русский (или уж, отчасти, украинец), по воззрениям — неверующий; ничем с еврейскими традициями не связанный. Когда надо было указать национальность в паспорте, он объявил себя евреем наперекор и к удивлению всех своих друзей и знакомых; так что уж если это ему причинило какие неприятности, то виноват лишь он сам. Зато теперь он всласть проводит черту равенства между антисемитизмом старой России и гитлеровским! А ведь для всякого объективного исследователя — тут и сравнение-то невозможно! Там были ограничения (которых кто не обходился!), по принципу вероисповедания (которое желающие меняли), да стихийные вспышки злобы в народных низах, строго подавляющиеся властями, — а у немцев прямое массовое уничтожение. Когда надо Копелеву помянуть сидевших с ним вместе в лагере власовцев, — товарищей ведь по несчастью! — он их с ненавистью и издевкой именует полицаями... Противны и атаки его на Солженицына за то, что тот защищает в какой-то мере старую Россию; в них явно слышится зависть к прежнему другу, столь далеко опередившему потом Копелева по славе и по весу в мировом масштабе.

Н. Росс. "Врангель в Крыму" (Франкфурт на Майне, 1982).

Описание господства белых в Крыму, содержит массу любопытных сведений, для многих, наверное, доселе неизвестных. Тем же, кто там тогда находился, вероятно, интересно будет их вспомнить и проверить. Книга выдержана, в общем, в бесстрастном, объективном относительно тоне. Слишком, пожалуй, суховатом, и отчасти перегруженном статистикой и цифрами, для широкой публики. Восхищает широта взглядов Врангеля, колебимого монархиста, умевшего привлечь дельных людей самых разных направлений, вплоть до эсэров и пр.. Правда, не всегда они его доверие оправдывали...

Гай Валерий Катулла. "Новые переводы" (Иерусалим, 1982).

Те, кто любит латинскую поэзию и одного из лучших в ней лириков, Катулла, раскроют маленькую книжку переводов, сделанных Анри Волохонским, с любопытством и закроют с досадой. Вместо основанного на многовековой традиции и общепри-

нятого у русской интеллигенции произношения, Волохонский пытается ввести в обиход выговор древнего Рима, — и неудачно. Он заменяет обычное *Цецилий* на *Кекилий*, а того не возьмет в толк, что в архаической латыни выговаривалось *Кайкилий* (как и *Аймилий*; но он пишет *Эмилиий*). Отчего, например, латинское *Caesar* вошло в немецкий язык как *Kaiser*. К-тексту переводчик относится небрежно и развязно. Для соблюдения размера, он не стесняется, например, вставить (и это в один из шедевров Катулла, его переложение из Сафо: *Ille mi par esse deo vide tur!*) слово *вечно*, которого в подлиннике нет, и которое совсем некстати, и даже обращение *Лесбия*. Верно, что возлюбленную Катулла звали *Лесбийей*, и что он ей посвятил многие стихи; да здесь-то она совсем не поминалась. Еще того хуже, когда Волохонский уснащает перевод непечатным словечком на ж... У Катулла упоминается соответствующая часть тела; но у древних ее название не звучало столь грубо и неприлично, как у нас; почему и надо было передавать иначе. В общем, новые переводы эти не идут в сравнение не только с поэтическими переложениями Фета (не будем уж говорить о Пушкине), но и со стандартным академическим переводом Пиотровского. Не знаем для чего они нужны, и полагаем, что их ценность равна нулю.

Владимир Рудинский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЦЕНЗУРА ПРИ ЦАРЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Американский ученый Гилберт Докторов опубликовал изобилующий фактами и точными научными доказательствами труд "Реформа царской цензуры", посвященный истории работы "Особого совещания

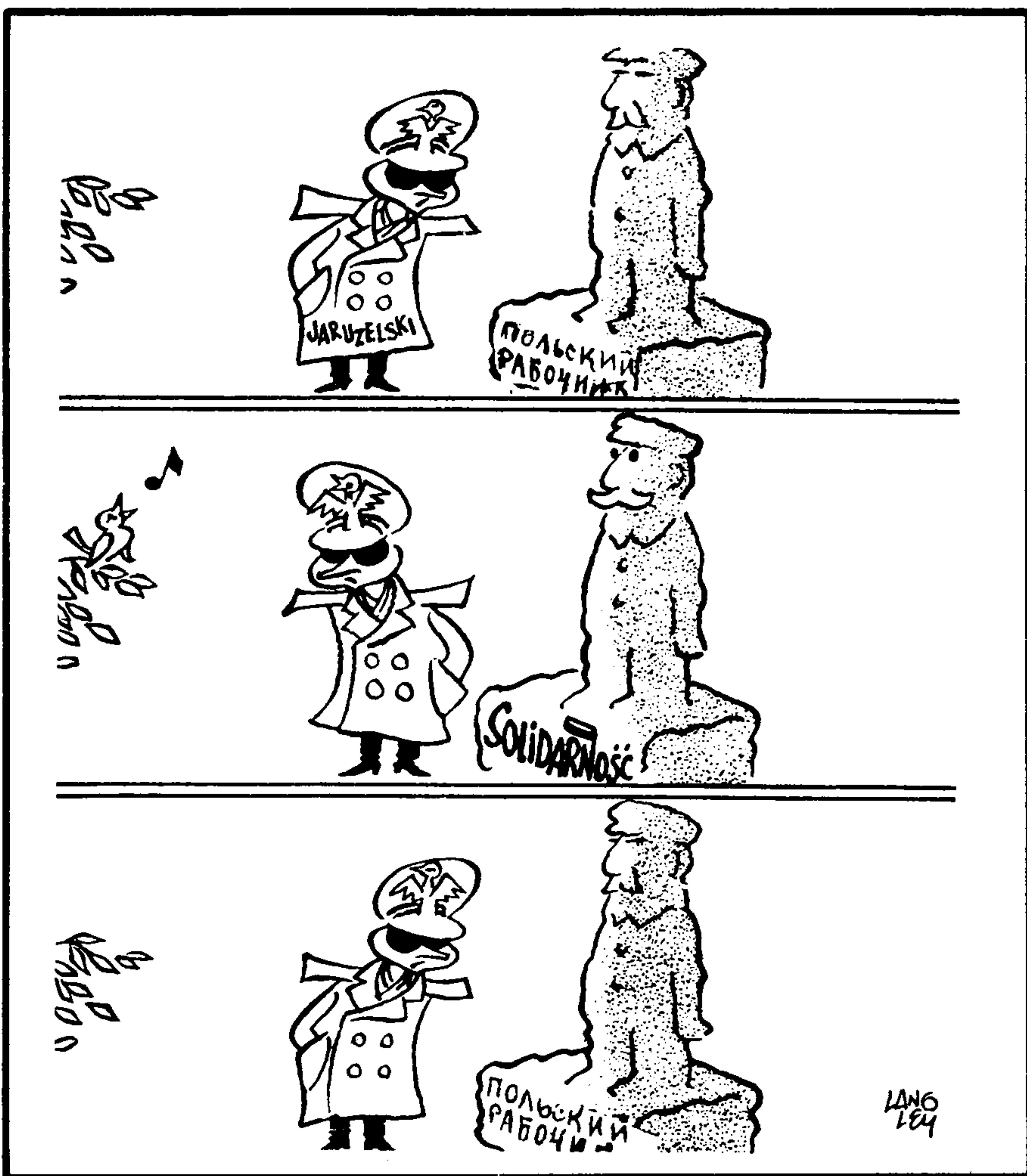
для переработки Устава о цензуре" созданного Императором Николаем Вторым в 1904 году.

Естественно, что царь поручил разработку устава о цензуре наиболее верным трону политическим и юридическим деятелям, ученым, литераторам. Докторов пишет: "Обращает на себя внимание преобладание в комиссии добросовестных и известных защитников существующего социального и политического порядка".

И вот эти, как их именуют в советской исторической науке, "реакционеры" создают устав о цензуре, предоставляющий писателям, издателям, книготорговцам такую свободу, о которой не могут и мечтать многие сегодняшние западные литераторы, не говоря уже о подсоветских.

Самый "правый" из членов Совещания, князь Шаховской, высказался против цензуры на ввозимые научные, философские, юридические издания. Епископ Антоний считал неразумной цензуру эротических произведений, полагая, что при введении такой цензуры, "придется вывезти все статуи из Летнего сада". Тоже "правый" журналист А. С. Суворин выступал против предварительной цензуры на периодические издания, а председатель Совещания Димитрий Кобеко, член Государственного Совета, настоял на том, чтобы не подвергались судебному преследованию в России книги, не запрещенные за границей. При этом он заметил: "Такое преследование может послужить для иностранной печати поводом для издевательств над нашим правосудием".

Подводя итог своему исследованию американский ученый пишет: "Отныне русские писатели и издатели имели право выражать свои мысли в печати, не опасаясь вмешательства властей до поступления изданий в продажу... Комиссией были выработаны три Устава установивших юридическую основу для русской печати, которая действовала вплоть до падения режима в 1917 году".

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ПЕРЕОЦЕНКА ГРОЗНОГО

Либеральные и марксистские историки усердно упрекают царя Ивана Грозного за "отсталость" его идей, по сравнению с идеями Адама Смита.

Но были ли его идеи "отсталыми" по сравнению с идеями казанских ханов? Например, его идея употребления нового технического средства войны — пороха?

Русские войска, осаждавшие Казань, не обладали огнестрельным оружием, а татары встретили их "огненным боем" из пищалей с городских стен.

Но русаки закатали в подкоп под стенами несколько десятков бочек с порохом, взорвали эти стены, и это решило исход войны.

Автор современного популярного очерка (Г. Кублицкий "Волга", стр. 35, Изд. "Детская литература", Москва, 1978) сообщает следующий пример изобретательности, напористости и энергии Грозного Государя:

"Готовясь к походу, царь вызвал к себе опытного строителя — Ивана Выродкова и дал ему тайное поручение.

Выродков уехал в густые леса под Угличем и туда же согнали плотников из окрестных селений. Они рубили лес, ставили деревянные стены и башни, а потом, пометив каждое бревно, разбирали их.

По весне в Углич явились стрельцы с пушками. Бревна сплестили в плоты и поплыли вниз по реке. Плыли больше тысячи верст. В конце мая 1551 г. плоты остановились у холма неподалеку от впадающей в Волгу реки Свяги.

Ни минуты не мешкая, одни принялись расчищать на холме место, а другие — таскать бревна. Уже на другой день поднялась первая башня с бойницами. От нее потянулась стена. В ней установили ворота с подъемной железной решеткой.

Раньше чем казанские ханы узнали о происходящем, на холме неподалеку от Казани поднялась грозная крепость Свяжск. Стены в пять метров толщиной были засыпаны землей и камнем. Восемнадцать башен поднимались над чудогоородом, готовым к отражению врага."

На другой год, от своей операционной базы — Свяжска — войска Московского Государя подступили к Казани, которую обороняли татары, снабженные Западом огнестрельным оружием.

Но народ православный, ободренный грандиозным взрывом крепостных стен, не убоился современного оружия. Навалившись на врага дружным скопом, он расстрелял из старомодных луков басурманов, паливших из современных пищалей.

Поистине: "Смелость города берет".

Но, только обдуманная мудрым и властным Государем общенародная смелость.

Наши социологически-догматические историки не поняли судьбоносного значения борьбы Ивана Грозного с либеральным боярством, склонявшимся к "либерум вето" польских панов.

Если бы эти либеральные бояре победили, то Казань не была бы взята и русскому купечеству не открылись бы волжские просторы "Царства Хвалынского".

Сущность боярской свободы — в свободе управлять своей вотчиной, сущность купеческой свободы — в сво-

бодности торговать, а сущность свободы сельского сословия — в свободе складывать урожай не в барский и не в колхозный, но в свой родной семейный амбар. Труденько, труденько для нас умиротворить все пять сословий Государства Российского, всю сословную пятерню. Хотя все пальцы руки — братья, но каждый по своему топорщится. Одно сословие об одной свободе тшится, другое о другой. Мы — за ту свободу, которая всему народу на пользу идет. Мы — за свободу матери воспитывать своих детей, но мы против свободы матерей от воспитания детей.

Для того-то боярам свобода править вотчиной, купцам свобода торговать, мужикам свобода пахать, а дьякам свобода законоучить дадена. От каждой из этих свобод каждому человеку русскому крупица блага доставаться должна. В этой-то крупице заковыка вся, в оставлении на жниве колосков на благо человеку неведомому.

П. Журавлев (Германия)

НУЖНАЯ РУБРИКА

Я совсем не согласен с лицами критикующими "лингвистический уголок" Аркадия Рахманова (его "Языковые уродства"). Это ценные краткие заметки, разоблачающие языковые погрешности нашего времени вообще, и в частности, во враждебных нам печатных органах.

Надо взвесить следующее: когда мы их разоблачаем за то, что они не монархисты и не русские патриоты, то они отмалчиваются и хихикают в кулак. Про себя же думают: "Мы и не хотим быть ни русскими националистами, ни тем паче монархистами! Наши левенькие читатели и наши иностранные хозяева от нас ждут и хотят совсем другого; что мы и делаем!"

Когда же их кроют за некультурность и неграмотность (их-то, корчащих из себя высшую интеллигенцию), дело вовсе иное. Возражать им нечего, а промолчать означает расписаться в ошибку. Да и начальство их к этому довольно чутко: мол если вы не умеете правильно писать (с точки зрения грамматики и стиля), мы можем вас сменить и найти за ту же цену других. А так как ошибок-то у них уйма, бить-то их А. Рахманову легко (и высмеивать можно здорово...).

А публика, к тому же, очень интересуется вопросами языка: это видно по количеству откликов от читателей.

Михаил Климов (Аргентина)

"Н. С." — ВЧЕРА И ЗАВТРА

Слава Богу, "Наша Страна" благополучно отметила свое 35-летие. А ведь еще год назад казалось, что она приостановлена на неопределенный срок. Поскольку Н. Л. Казанцев был связан до конца Мальвинской войны, а Татьяна Владимировна Дубровская серьезно заболела и скончалась, то самое существование газеты было под смертельной угрозой. Война продлилась месяцы. А газета, если выходит с перебоями, прекращается на время,

— осуждена; нужно знать читающую публику. Возобновлять потом, — дело почти безнадежное.

Момент для ликвидации газеты был самый неудачный. Ибо она осталась единственной, монархической, и потому необходимой. Кроме того, именно тогда, когда все враги считали, что монархическое движение окончательно похоронено, и был психологически подходящий момент для возобновления монархической деятельности, в разных ее формах. Плюс к тому, вести из России явно показывали, насколько наша идея, на самом-то деле, жива и актуальна.

И тем более было обидно, что нельзя было использовать момента, когда "Наша Страна" могла на время, по крайней мере, привлечь всеобщее внимание: война в Аргентине, где бы легко привлечь материалы из первых рук, давала газете огромные возможности.

Впрочем, даже и без того, если газета закрылась бы, — полный был бы крах.

Однако "Наша Страна" преодолела свою собственную гибель...

Теперь же — ей надо расти.

Конечно, всякое расширение газеты поставило бы задачу, не ослабляя главной ее цели давать идейное руководство, увеличить информационную часть; давать новости из разных стран, о жизни там русских и о положении вообще; шире освещать вопросы литературы и искусства (не исключительно русские), различные политические направления в мире, и т. д.

Еще бы важнее, разумеется, — увеличить связи с Россией, с Самиздатом. Очень бы ценно тоже, — и что почему-то хромает у монархистов, — завязать связи с звучными нам кругами эмиграции "из-за железного занавеса, из различных стран: с сербами, болгарами, чехами, поляками, но тоже и вьетнамцами, лаосцами, камбоджийцами. Не обязательно с монархистами; но с теми где есть, — в первую голову!

И с иностранными монархистами свободного мира тоже; там где монархия, и там где республика. Вполне возможная вещь; почему ею пренебрегать?

Беда в том, что когда газета маленькая, то уж оно всегда так: для многих вещей, даже важных, не хватает места.

Надо помочь "Нашей Стране" расправить плечи.

Андрей Зайцев (США)

МОНАРХИЧЕСКИЙ ЭКУМЕНИЗМ

С 15-го по 17-ое июля в американском университете Нью Хэмпшира состоялась международная конференция, чтобы прославить монархию и прокричать ура "за всех монархов мира".

Значит и за какого-нибудь людоедского Бокассу или за узаконившего коммунистическую партию, порнографию и масонство Хуан Карлоса Бурбонского? Нашего православного царя, миропомазанника Христу присягающего при воцарении, разве можно поставить в один ряд с какой-нибудь бутафорской британской королевой не только своей страной не управляющей, но и семьей: позволяет сыну публично волочиться за кинодивами порнофильмов?

Монархический экуменизм, как и религиозный, для православных христиан неприемлем.

Лидия Соломахо (США)

ПЕЧАТЬ

МУДРЕНАЯ ТАКТИКА

Журнал "Трибуна" № 3 открывается статьей Б. Шрагина "О тактике", содержащей следующие любопытные мысли о действиях диссидентов в СССР:

"Трудолюбиво и жертвенно копятся материалы о нарушениях прав человека властями. Все это передается гласности — опять-таки через границу. К чему? Тактически внятный ответ может быть только один: таким путем подрывается международный престиж советского режима. Этот престиж стал ставкой в диссидентской борьбе. Но, во-первых, тем самым принципы прав человека из цели превращались в средство, что морально малопривлекательно. А, во-вторых, получалось, что подрубали сук, на котором рассчитывали закрепиться. Когда престиж СССР упал до нуля, а затем начал превращаться в отрицательную величину, властям уже нечего было терять. Беззакония не сократились, а, наоборот, увеличились в числе, став при этом более наглыми".

Следовательно, делая логический вывод из рассуждений автора, надо было не подрывать, а всячески повышать, поднимать престиж Советского Союза! Будем справедливы: Шрагин этого до сих пор не делал. Но, должно быть, теперь одумался? Ну так и пусть себе поднимает, сколько в силах: нам, антикоммунистам, с ним не по пути совсем!

Отметим и другое место о программе диссидентов: "Рабочим и колхозному крестьянству ничего практического перспективного, если не считать хождения в церковь, пока что не предложено".

Дело вкуса: предложить очень даже есть что, особенно крестьянству; отмену колхозов. Вот мы так и предлагаем!

В. Р.

Языковые Уродства

КОВАЛЬСКА

"Континент" с подчеркнутым вызовом вновь и вновь нарушает элементарные нормы русской речи. Нельзя писать (как сделано в № 35) Анна Ковальска. По-русски пишут и говорят: Мария Лещинская, Мария Шимановская, графиня Браницкая; по крайней мере, все грамотные люди.

Если себе вообразить невозможную форму Ковальска, то надо ее склонять по образцу слов кобылка, качалка, полоска: письмо от Ковальски, напишите Ковальске, про Ковальску и т. п. А это уже абсолютно не по-русски, вовсе нелепо и невозможно!

Приходится иной раз пожалеть о неограниченной свободе эмигрантской печати: некому одернуть людей, производящих сии дикие эксперименты!

Пусть они только не прикрываются симпатией к Польше, которая тут не при чем. Наоборот, уважение и сочувствие к полякам, — только лишний довод, что нужно писать их имена и фамилии согласно старинной культурной традиции, выработанной на базе многовековых сношений, дружеских и враждебных, с нашими соседями, великим и родственным нам славянским народом.

Аркадий Рахманов